

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

1896.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1897.

слѣдуетъ несомнѣнно считать установленнымъ, въ тибетскомъ чтеніи? Переводчикъ приписываетъ общепринятое произношеніе санскритскихъ словъ южнымъ идійцамъ, на какомъ основаніи не знаемъ, и считаетъ, что тибетское произношеніе «то же имѣетъ за собой основаніе» (стр. 57, прим. 1).

На стр. 58-й переводчикъ по поводу словъ «Барата, Спиду и другіе Перенгэ», замѣчаетъ, что авторъ подъ словомъ Перенгэ разумѣетъ европейцевъ. Не вѣрнѣ ли видѣть здѣсь Aраgāntaka? Стр. 59, прим. 1 kulīca просто синонимъ vajra.

С. О.

242. Средняя Азія. Научно-литературный сборникъ статей по Средней Азіи. Подъ редакціею Е. Т. Смирнова. Ташкентъ 1896. 212 стр. 8°.

243. Средне-азиатскій Вѣстникъ. Научно-литературный журналъ. Ташкентъ. 1896. Мартъ: 63+78 стр. 8°. Апрель: 131 стр. 8°. Май: 112 стр. 8°. Июнь: 109 стр. 8°. Июль: 110 стр. 8°. Августъ: 108 стр. 8°.

Среднеазиатская окраина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣлаетъ повидимому болѣе быстрые культурные успѣхи, чѣмъ другія наши азиатскія владѣнія. Своего мѣстнаго научно-литературнаго журнала на русскомъ языкѣ пока не имѣютъ ни Кавказъ, ни Сибирь, ни Амурскій край.

Одному изъ самыхъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, Евгенію Тимофѣевичу Смирнову, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ созданія въ центрѣ Туркестана перваго въ русской Азіи научно-литературнаго журнала «Средне-Азиатскій Вѣстникъ», шесть книжекъ котораго, за мѣсяцы мартъ по августъ ¹⁾, лежатъ передъ нами. Вслѣдствіе нѣсколько запоздавшаго разрѣшенія, первая книжка вышла въ мартѣ; взамѣнъ книжекъ за январь и февраль выданъ подписчикамъ сборникъ статей «Средняя Азія».

Задача журнала по заявленію редактора «заключается въ томъ, чтобы путемъ собранія научныхъ данныхъ, группировки фактовъ, и здравыхъ, безпристрастныхъ сужденій по вопросамъ текущей жизни, а также яркими, живыми картинами своеобразной жизни мѣстнаго населенія, какъ пришлаго, такъ и туземнаго, дать читателю вѣрное и отчетливое представленіе о Сред-

---

1) Въ видѣ «Приложеній» къ книжкамъ за мартъ, апрѣль, июль напечатаны Протоколы засѣданій Туркестанскаго Кружка Любителей Археологій, за май — статья М. А. Терентьева «Мусульманское лѣтоисчисленіе», за июнь и августъ — статья А. Е. Пулло «О культурѣ винограда въ г. Ташкентѣ и его окрестностяхъ». Къ свѣдѣнію г-на Терентьева замѣчаемъ кстати, что къ извѣстнымъ сравнительнымъ таблицамъ мусульманскаго и христіанскаго лѣтоисчисленія Вюстенфельда въ 1887 г. издано продолженіе въ томъ же форматѣ, доходящее до 1500 года гиджры (нач. 28-го ноября 2076 г.).

ней Азіи», а въ программу его входятъ: 1) Научныя статьи, касающіяся Средней Азіи по всёму отраслямъ знанія, преимущественно по исторіи и археологіи, географіи и топографіи, статистикѣ и этнографіи, 2) Статьи по торговлѣ и промышленности Средней Азіи, 3) Беллетристика, 4) Мѣстное обозрѣніе, 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Библіографія и 7) Объявленія. Задача, какъ видитъ читатель, весьма симпатичная и программа вполне цѣлесообразная.

Трудность осуществленія этой программы несомнѣнно очень велика и если принять во вниманіе всё обстоятельства, то надо признать, что редакція, судя по вышедшимъ до сихъ поръ книжкамъ, заслуживаетъ искренней благодарности всёхъ интересующихся нашей среднеазиатской окраиной, и мы отъ души желаемъ новому журналу дальнѣйшаго успѣха и многочисленныхъ читателей, не только среди такъ называемой «пятелигенціи» вообще, но также и изъ числа специалистовъ по разнымъ отраслямъ востоковѣднія, которыя такъ или иначе затрогиваются въ новомъ журналѣ. Мы убѣждены, что и такіе читатели найдутъ, уже и въ вышедшихъ книжкахъ, не мало интереснаго и поучительнаго. Оставляя въ сторонѣ статьи чисто беллетристическія, равно какъ и тѣ, которыя посвящены естественно-историческимъ сюжетамъ или же чисто мѣстнымъ «злобамъ дня», укажемъ читателямъ «Записокъ В. О.» между прочимъ на статьи по археологіи и исторіи Е. Смирнова «Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента» (Средняя Азія, стр. 111—136), М. Андреева «Мѣстности Туркестана интересныя въ археологическомъ отношеніи» (Средне-Азіатскій Вѣстникъ, май, стр. 16—28), Н. Лыкошина «Очеркъ археологическихъ изысканій въ Туркестанскомъ краѣ до учрежденія Туркестанскаго Кружка любителей археологіи» (Ср.-Аз. Вѣстн. іюль, стр. 1—33), неизвѣстнаго автора «Русскій отрядъ въ пустынь, эпизодъ изъ Хивинскаго похода» (Средняя Азія, стр. 35—110), В. Бартольда «Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азіи» (Ср.-Аз. Вѣстн. іюнь, стр. 20—33), Н. Н. Касьянова «Русская гребная флотилія на Амударьѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1873 г. и другія воспоминанія о Хивинскомъ походѣ» (Ср.-Аз. Вѣстникъ, іюнь, стр. 34—54, августъ, стр. 55—62).

Одной изъ главныхъ задачъ новаго журнала слѣдуетъ конечно считать изслѣдованіе быта, внѣшняго и внутренняго, мѣстнаго мусульманскаго населенія. Въ этой области интересы науки совершенно совпадаютъ съ интересами практическими, и именно въ этой области мѣстные дѣятели могутъ, при соблюденіи извѣстныхъ пріемовъ, оказать наукѣ по истинѣ неоцѣнимую услугу. Редакція это повидимому вполне сознаетъ и въ числѣ статей мы дѣйствительно находимъ нѣкоторыя, посвященныя этой задачѣ. Таковы статьи: М. Мпроніева «Хаджъ—религіозное путешествіе мухамеданъ (*sic*)

въ Мекку» (Средняя Азія, стр. 137—167), Н. Дингельштеда «Невѣдомый міръ. Современные мусульмане» (Ср.-Аз. Вѣстн., мартъ, стр. 35—63, апрѣль, стр. 1—33, май, стр. 1—15), Ор. Шкапскаго «Положеніе женщины у кочевниковъ Средней Азіи» (Ср.-Аз. Вѣстн., июнь, стр. 1—19, июль, стр. 34—53), Н. Лыкошина «Прокаженные въ Туркестанѣ и необходимость реформы въ ихъ призрѣніи» (тамъ же, августъ, стр. 1—34). Изъ нихъ статьи гг. Шкапскаго и Лыкошина исходятъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ самими авторами, и поэтому заслуживаютъ серьезнаго вниманія ¹⁾, хотя и можно сомнѣваться въ желательности или цѣлесообразности вторженія государственной власти въ обычное семейное право, котораго требуетъ г. Шкапскій. Статья г. Миропіева представляется намъ нѣсколько неумѣстной именно въ Средне-Азіатскомъ Вѣстникѣ. Она имѣетъ слишкомъ книжный характеръ. Сухой перечень безконечныхъ обрядовыхъ мелочей, приписываемыхъ мусульманскимъ закономъ при совершеніи *хаджа* въ Мекку едва ли можетъ представитъ какой бы то ни было интересъ для читателей. Вотъ если бы авторъ, опираясь на знаніе сартовскаго языка, вошелъ въ дружбу съ туземными *хаджіями*, возвратившимися изъ паломничества въ Мекку, и сообщилъ бы намъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ такими паломниками изъ Мекки, объ отношеніяхъ къ *хаджіямъ* остального населенія, то его статья имѣла бы выдающійся научный и не менѣе значительный практическій интересъ. Въ видѣ короткаго введенія къ такому характера статьѣ можно было бы на 2-хъ, 3-хъ страницахъ указать на главнѣйшіе моменты паломническаго церемоніала, чтобы ориентировать читателя. Но за всеѣмъ тѣмъ, если найдется среди читателей Средне-Азіатскаго Вѣстника такой, который одолѣетъ это описаніе обрядовъ, то онъ получитъ довольно основательное понятіе о *внѣшней* сторонѣ хаджа, что, хотя и принесетъ ему не много пользы, но крайней мѣрѣ не принесетъ ему и вреда, если не считать за вредъ пріученіе его къ скверному и неправильному, на татарскій ладъ, произношенію арабскихъ словъ и именъ собственныхъ. Къ сожалѣнію нельзя сказать того же о статьѣ г-на Дингельштеда, въ которой по нашему разумѣнію безусловно хорошо только заглавіе «Невѣдомый міръ. Современные мусульмане». Мы глубоко убѣждены, что для прочтавшихъ эту статью «современные мусульмане» останутся такимъ же «невѣдомымъ міромъ», какимъ они были прежде и какимъ они, судя по этой статьѣ, явля-

---

1) Особенно рекомендуемъ нашимъ читателямъ статью г-на Лыкошина, которая даетъ очень живое представленіе о бытѣ прокаженныхъ и формулируетъ очень практическія, повидимому, соображенія объ улучшеніи ихъ быта.

ются и для самого автора. Приговоръ этотъ можетъ показаться черезъ-чуръ строгимъ, но дѣлать нечего . . .

Статья написана съ большими претензіями на безпристрастность, широту взглядовъ, критическій анализъ, опирающійся на богатый фактический матеріалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ необыкновенною развязностью, поразительнымъ незнаніемъ самыхъ элементарныхъ истинъ и очень дешевымъ остроуміемъ. Не угодно-ли напр. послушать, какъ г-нъ Д. начинаетъ свою статью: (Ср.-Аз. Вѣст. мартъ, стр. 35).

«Я большой, хотя и не восторженный любитель Востока. Я совершенно не вѣрю, что свѣтъ придетъ съ востока и, въ особенности, что онъ придетъ съ нашего русскаго востока и думаю, что свѣтъ долженъ придти туда, а не оттуда, и что придетъ онъ съ запада. Я очень уважаю самобытныя формы культуры, но уваженіе это не мѣшаетъ мнѣ трезво и безпристрастно оцѣнивать разныя культуры и не превозносить какую либо изъ нихъ только за одну самобытность, ибо одного этого мало.

Проживъ много лѣтъ на востокѣ и азіатскихъ нашихъ окраинахъ, я ощущаю большое желаніе познакомить читающую публику съ малозвѣстнымъ ей міромъ нашихъ восточныхъ и преимущественно мусульманскихъ соотечественниковъ и для того, чтобы съ нѣкоторымъ успѣхомъ выполнить эту задачу, у меня имѣется и достаточный матеріалъ, но я смущаюсь такой большой задачей и, памятуя изреченіе *qui trop embrasse mal étreint*, долженъ буду ограничиться изображеніемъ только немногихъ сторонъ восточной жизни.

Я далекъ отъ всякой огульной критики, далекъ отъ мысли пронизировать и осмѣивать восточныхъ людей или восточный образъ жизни и менѣе всего желалъ бы задѣть нравственное и религіозное чувство нашихъ мусульманъ и касаться ихъ «святая святыхъ». Я буду держаться фактической почвы и тѣхъ матеріаловъ, которые находятся у меня въ распоряженіи, присоединя къ нимъ мои посильныя объясненія, а выводы придутъ сами собой».

При ближайшемъ ознакомленіи съ самой статьей оказывается, что весь матеріалъ, которымъ располагаетъ авторъ, заключается не въ собственныхъ наблюденіяхъ, собранныхъ благодаря близкому, долготѣнному знакомству съ внѣшнею и духовной стороною жизни современныхъ средне-азіатскихъ мусульманъ, а исключительно только въ переводѣ корана Саблукова и весьма посредственномъ, сдѣланномъ съ англійскаго, переводѣ «Хидаи», изданномъ стараніями генерала Гродекова въ Ташкентѣ. Последнее сочине-

ніе г-нъ Д. повидимому считаеъ за коментарій къ Корану¹⁾, такъ какъ онъ очень часто приводитъ миѣнія мусульманскихъ заковѣдовъ, называя ихъ толкователями корана. Коранъ по миѣнію автора (мартъ, стр. 36) толкуется уже семьсотъ лѣтъ и все еще не растолкованъ въ полной мѣрѣ. Отъ чего именно *семьсотъ лѣтъ*? Не отъ того-ли, что Хидая написана *приблизительно* 700 лѣтъ тому назадъ? Вѣдь г-нъ Д. вѣроятно знаетъ, что мы теперь живемъ въ 1314 году гижры. Если коранъ начали толковать только 700 лѣтъ тому назадъ, то спрашивается, чѣмъ же руководствовались мусульмане первые 600 лѣтъ существованія ислама? Право же толковать коранъ, какъ въ точности извѣстно г-ну Д.²⁾, принадлежить «только лицамъ на то уполномоченнымъ самимъ кораномъ». За это открытіе наши интеллигентные мусульмане, гг. Гаспринскіе, Баязитовы и т. д. будутъ не мало благодарны г-ну Д. и простятъ ему много грѣховъ. Вѣдь если въ коранѣ за 600 лѣтъ до начала толкованій даются полномочія на этотъ предметъ какой-нибудь группѣ людей и затѣмъ дѣйствительно эта самая группа и начинаетъ заниматься этимъ дѣломъ, то коранъ не можетъ быть произведеніемъ простаго смертнаго. . . . Да простятъ мнѣ читатели это маленькое отступленіе: я только хотѣлъ показать, до какихъ неожиданныхъ абсурдовъ доводитъ незнаніе хронологіи арабской литературы. Тутъ и «критическо-философское отношеніе» не помогаетъ и Бокль и Дреперъ, на которыхъ любитъ ссылаться авторъ, не выручаютъ.

Наполнивъ стр. 37—47 разными мудрствованіями, буквально кишачими всевозможными недоразумѣніями и громкими, ничего не значащими фразами, авторъ заявляетъ (стр. 47):

«Чтобы лучше ориентироваться въ ученіи Магомета, оставимъ пока въ сторонѣ всѣ толкованія на коранъ, всмотримся нѣсколько ближе въ значеніе самого корана и постараемся нѣсколько пояснить сущность его содержанія.

«Въ коранѣ 114 главъ, уменьшающихся въ своей длинѣ по мѣрѣ приближенія къ концу, какъ будто вдохновеніе автора изсякаетъ по мѣрѣ писанія, — хотя, по преданіямъ, коранъ преподанъ Магомету почти одновременно, во всей полнотѣ, и, слѣдовательно, онъ не изготовлялся (*sic. Rec.*) по главамъ и явился цѣликомъ и притомъ по вдохновенію.

---

1) См. напр. апрѣль, стр. 23: «Особенно подробно толкователи корана останавливаются на вопросѣ, какіе взгляды и взаимныя прикосновенія мужчины и женщины пристойны или непристойны». И затѣмъ приводятся разныя относящіяся сюда извлеченія изъ Хидая. Такихъ примѣровъ множество.

2) Мартъ, стр. 36.

Есть главы, заключающія въ себѣ не болѣе пяти строкъ и есть очень длинныя и пространныя. Прежде всего въ коранѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что въ числѣ оглавленій тамъ встрѣчается много трудно понимаемыхъ названій и происхожденіе этихъ названій можно объяснить или только совершенно произвольнымъ желаніемъ самого пророка или его толкователей, назвать главу тѣмъ или другимъ словомъ или выраженіемъ, такъ какъ самое содержаніе главъ болышею частью совсѣмъ не соответствуетъ ихъ названію».

Такими же глубокомысленными разсужденіями о коранѣ авторъ наполняетъ стр. 47—63 мартовской книжки «Вѣстника». Корану и бѣдному Мухаммеду при этомъ достается не мало. Съ высоты человѣка, читавшаго Бокля и Дрепера, вооруженнаго пресловутымъ послѣднимъ словомъ науки, онъ громитъ и коранъ и его злополучнаго автора. Въ коранѣ, читаемъ мы напр. на стр. 49-й, «встрѣчается достаточное количество болѣе или менѣе явныхъ несообразностей и очевидныхъ нелѣпостей, объясняемыхъ скорѣе всего недостаточнымъ просвѣщеніемъ, а вѣрнѣе совершеннымъ невѣжествомъ пророка» . . . «Что это», восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 50), «какъ не свидѣтельство о невѣжествѣ или суевѣріи приведенныя выше изреченія, касающіяся вопроса о созданіи человѣка или объясненія глухонѣмоты или напимѣръ такое увѣреніе, что, будто бы обезьяны суть ничто иное, какъ люди, наказанные за своеволие (гл. 7-я, ст. 166)» и т. д.

Мы могли бы привести еще множество подобныхъ же удивительныхъ тирадъ, но боимся, какъ бы читатели Записокъ В. О. не поспѣвали на насъ уже и теперь за то, что мы привели эти немногія выдержки. Опроверженія всѣ эти позренія г-на Д. не заслуживаютъ ¹⁾. Выводъ изъ нихъ можетъ быть лишь одинъ, именно, что г-нъ Д. взялся писать о предметѣ, въ которомъ онъ самъ ровни ничего не понимаетъ. А если это такъ, то и изъ чтенія его статьи неопытнѣйшій читатель вынесетъ не пользу, а вредъ. Онъ получитъ не ясное представленіе о Коранѣ, какое г-нъ Д. обѣщавъ дать «не только нашимъ окраиннымъ читателямъ, но и прочимъ обитателямъ нашего отечества» (стр. 47), но совершенно превратное. Можно конечно надѣяться, что основная фальшь во всемъ построеніи взгляда г-на Д. на Коранъ безъ труда будетъ по достоинству оцѣнена громаднымъ большинствомъ его читателей: она слишкомъ бросается въ глаза. Но тутъ есть другая опасность и она-то и побудила насъ взяться за перо. Вотъ въ чемъ дѣло.

---

1) «*Opus probandi*» лежитъ не на томъ, кто утверждаетъ, что $2 \times 2 = 4$, а на томъ, кто говоритъ, что дважды два больше или меньше четырехъ.

Покончивъ съ кораномъ, г-нъ Д. въ книжкахъ Среднеазіатскаго Вѣстника за апрѣль и май разсуждаетъ о разныхъ сторонахъ мусульманской жизни, преимущественно о семейномъ и торговомъ правѣ, о томъ, что пристойно и непристойно и т. д., на основаніи Хидая, которую, какъ уже выше было замѣчено, слѣдуетъ разумѣть всегда, когда онъ говоритъ о «толкователяхъ Корана». Разсуждаетъ онъ обо всемъ этомъ съ тономъ глубокаго знатока и съ большимъ апломбомъ. Вотъ мы и боимся, какъ бы «авторитетъ» г-на Д. ¹⁾, пишущаго много и въ столпчныхъ журналахъ, не подѣйствовалъ на мѣстныхъ дѣятелей и не вызвалъ съ одной стороны желаніе подражать ему и, путемъ выборки изъ Хидая разныхъ курьезовъ и казусовъ, «освѣщать» еще другія стороны «невѣдомаго міра», а съ другой не отбилъ бы охоту производить наблюденія надъ жизнью туземцевъ и сообщать объ этихъ наблюденіяхъ, въ томъ предположеніи, что «невѣдомый міръ» уже достаточно «освѣщенъ» г-мъ Дингельшtedтомъ. Въ первомъ случаѣ они потратятъ свое время совершенно напрасно, во второмъ же они лишатъ науку самаго драгоценнаго для нея матеріала и самихъ себя высокаго наслажденія, связаннаго съ сознаніемъ, что принимаешь дѣятельное и замѣтное участіе въ обогащеніи сокровищницы человѣческихъ знаній.

Мусульманское законовѣдѣніе, *фихъ*, или, чтобы употребить болѣе извѣстное у насъ, хотя и не вполне синонимное, названіе *шаріатъ*, не въ укоръ будь сказано г-ну Дингельшtedту, благодаря историческимъ условіямъ его развитія далеко не является безусловнымъ и единственнымъ регуляторомъ современной мусульманской жизни, какъ онъ имъ не былъ и въ прежнія времена. *Шаріатъ* въ весьма значительной степени является лишь теоретическимъ построеніемъ, идеаломъ, который себѣ создали благочестивые мусульманскіе законовѣды. *Шаріатъ* поэтому гораздо больше учитъ насъ тому, какъ мусульманинъ *долженъ* былъ бы жить и дѣйствовать, чѣмъ какъ онъ въ дѣйствительности жилъ и живетъ въ данное время. Изученіе *шаріата* и его постепеннаго развитія конечно представляетъ большой научный интересъ, но думать, что поверхностнымъ или хотя бы даже и глубокимъ знаніемъ *шаріата* можно проникнуть въ тотъ «невѣдомый міръ», который намъ хотѣлъ раскрыть г-нъ Д., роковая и глубокая ошибка. Въ общихъ чертахъ постановленія *шаріата* давно уже достаточно извѣстны ²⁾, почему, строго говоря, не было никакой надобности тратить время и деньги на

1) Охотно вѣримъ, что г-нъ Д. когда пишетъ *не* о коранѣ или современныхъ мусульманахъ, вполне авторитетенъ и надеженъ.

2) Хотя бы изъ сочиненій барона Торнау (для шіитскаго закона) и Фанъ-ден-Берга «Основныя начала мусульманскаго права». Переводъ проф. В. Гиргаса. Спб. 1832.

Хидаю, такъ какъ громадная масса всего заключающагося въ ней казуистическаго матеріала способна только уничтожить въ неспеціалистахъ всякій интересъ къ изученію *шаріата*. Насколько собственно теоретичны постановленія *шаріата* видно изъ того, что едва-ли не во всѣхъ мусульманскихъ странахъ весьма значительная часть ихъ фактически нѣкогда не соблюдалась, и что, вообще говоря, крѣпко они держатся преимущественно въ области семейнаго права и всего того, что касается релігіозныхъ обрядовъ.

Но какія въ точности постановленія *шаріата* на практикѣ въ различныхъ мусульманскихъ странахъ совершенно упразднены, какія въ цѣлости или отчасти еще соблюдаются, это требуетъ тщательныхъ изслѣдованій на мѣстѣ и такіа изслѣдованія представляются не только желательными, но и крайне необходимыми какъ для науки, такъ и для успѣшнаго управленія населеннымъ мусульманами краемъ. Да не смутитъ слово «изслѣдованіе» мѣстныхъ дѣятелей. Для такихъ «изслѣдованій» не нужно никакой книжной учености, не нужно ни знанія корана, ни Хидаю, ни Бокля, ни Дрепера. Но нужно хорошее практическое знаніе мѣстнаго языка, нужно умѣніе списать расположеніе и довѣріе различныхъ классовъ мѣстнаго туземнаго населенія, нужны наблюдательность и терпѣніе. Спору нѣтъ, что если ко всѣмъ этимъ качествамъ еще присоединяется знаніе арабскаго языка и знакомство съ ходячими «преданіями», съ обрядами и другими постановленіями *шаріата*, то это значительно облегчатъ задачу, но при имѣніи на лицо остальныхъ условій, можно и обойтись безъ всего этого. Производя систематически въ теченіе многихъ лѣтъ подобныя «изслѣдованія» или наблюденія дѣйствительной жизни дадутъ тотъ фактический матеріалъ, безъ котораго всѣ разсужденія пусты. Сравненіе собраннаго такимъ образомъ матеріала съ тѣми постановленіями, которыя содержатся въ книгахъ, можетъ быть произведено и въ тиши кабинета. Для этого дѣла, конечно, требуется основательное знаніе арабскаго языка и спеціальной литературы законовѣдѣнія. Такое раздѣленіе труда принесетъ богатые плоды. Исчезнетъ напр. тотъ почти суевѣрный страхъ, который не одинъ администраторъ ощущалъ предъ словомъ *шаріатъ*. Окажется, что весьма многое, что считается или выдается муллами за *шаріатъ*, или даже и входитъ дѣйствительно въ *шаріатъ*, въ массахъ народныхъ уже не считается за *шаріатъ* и что, напротивъ того, другое, не имѣющее ничего общаго съ *шаріатомъ*, признается народомъ за святыню, которую нельзя трогать . . . Дальше такіа наблюденія покажутъ, кого собственно слѣдуетъ считать настоящими духовными вождями народа, которымъ онъ вѣритъ и слѣдуетъ, официальныхъ-ли представителей *шаріата*, въ родѣ разныхъ муллъ, казіевъ

и т. д. или же представителей дервишскихъ орденовъ, ишановъ¹⁾ и тому подобныхъ лицъ. Все это одинаково важно и для науки и для жизни, все это могутъ узнавать только мѣстные дѣятели, и для узнаванія всего этого, повторяемъ, никакой книжной, кабинетной учености не требуется. Настоятельная по этому и убѣдительнѣйшая наша просьба къ мѣстнымъ дѣтелямъ: не уставать работать въ указанномъ направленіи, а къ редакціи новаго журнала: широкое гостепрѣимство оказывать такимъ именно работамъ. Тогда со временемъ будетъ дѣйствительно снята завѣса съ «невѣдомаго міра», — и честь и слава тѣмъ, кто потруится для этой благородной дѣлы.

В. Р.

244. სიბრძნე ბალავარის ე. თაყაიშვილის რედაქტორობით. გამოცემა ქართველთა ამხანაგობის № 30, ტფილისი 1895.

[Мудрость Балавара подъ редакціею Е. Такаи-швили. Изданіе грузинскаго товарищества. № 30, Тифлисъ 1895 г.], стр. 157.

Наконецъ появился въ печати давно ожидаемый подлинный текстъ грузинскаго извода повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ, извѣстнаго подъ названіемъ «Мудрость Балавара». Изданіе сдѣлано въ Тифлисъ грузинскимъ издательскимъ обществомъ подъ редакціею члена-сотрудника нашего общества — Евонмія Такаи-швили. Редакторъ снабдилъ изданіе четырьмя приложеніями и однимъ снимкомъ, представляющимъ страницу наиболѣе древняго рукописнаго списка «Мудрости Балавара».

Четвертое приложеніе, оно же послѣсловіе, заключаетъ въ себѣ очеркъ исторіи изученія повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ, не имѣющей для насъ интереса, такъ какъ въ основѣ его лежитъ исключительно извѣстная рецензія²⁾ бар. В. Р. Розена на изслѣдованіе Zotenberg'a и маленькая моя замѣтка³⁾ о грузинской версіи душеполезной исторіи. Всѣ послѣдующія работы редактору, повидному, остались неизвѣстны.

Третье приложеніе подъ заглавіемъ «Толкованіе нѣкоторыхъ словъ»

1) Отъ всей души присоединяемся къ глубоковѣрнымъ и шѣткимъ словамъ почтеннаго редактора Ср.-Аз. Вѣстника, Е. Т. Смирнова, о необходимости изученія *мѣстной* дервишизма. См. апрѣль, стр. 130. Но и тутъ конечно требуется не столько описаніе обрядовъ и внѣшней стороны дѣла, сколько изученіе внутренняго смысла и духовной стороны его. Поэтому дѣло это весьма трудное, хотя далеко не невозможное. Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что противопоставляя *шариатъ* дервишизму я отнюдь не отрицаю того общезвѣстнаго факта, что въ извѣстной мѣрѣ дервишизмъ входитъ въ систему ортодоксальнаго ислама. Это вѣдь и есть одна изъ уступокъ, которые *теорія* была вынуждена сдѣлать *жизни*.

2) З. В. О., т. II, стр. 166—174.

3) З. В. О., т. III, стр. 223—260.